

АРЧОЙ и ЛИРА ЭФИРА

**ЛИМИТ
НА
ЖИВОЕ
СЛОВО**

Триумф "аномальных"

Арчой Лира Эфира
Лимит на живое слово

«Автор»

2026

Ли́ра Эфи́ра А.

Лимит на живое слово / А. Ли́ра Эфи́ра — «Автор»,
2026 — (Триумф "аномальных")

Описывается общество, где люди имеют лимит на 500 речевых единиц в сутки, эмоции их выражаются условным цветом на дисплее. Главная героиня Ми́ра случайно находит в отделе утилизации старинную книгу, которая напоминает ей, что некогда люди общались путём живой речи и эмоции выражали открыто и искренне. С группой единомышленников она начинает борьбу за живую речь. Им противостоит корпорация "Лекс-Контроль". В результате своей деятельности ребята возвращают людям живое общение. Через 100 лет назревает новый кризис. Технологическая компания сначала подменяет живую речь упрощёнными сигналами и эмодзи, затем предлагает отказаться от слов вовсе в пользу нейроимпульсов — прямых передач эмоций и образов. За сохранение живого слова берутся правнуки наших героев. Через испытания они понимают: угроза — не в технологиях, а в отказе от глубины мысли и искренности высказывания. Живое слово сохраняется. Книга напоминает: свобода слова — это свобода мыслить, творить и оставаться людьми.

© Ли́ра Эфи́ра А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Арчой Лира Эфира

Лимит на живое слово

Глава 1

Шепот между строк

Мира Лейн считала. Пятьсот речевых единиц — дневной лимит. Она уже израсходовала 47 РЕ на формальный отчёт в Архиве, 12 РЕ — на ответ охраннику у входа и 8 РЕ — чтобы попросить у коллеги файл. Всего 67 РЕ. Осталось 433. Достаточно, чтобы доработать до конца смены, не привлекая внимания «Лекс-Контроля».

Она поправила на запястье Эмоциональное Устройство — тонкий серебристый браслет, пульсирующий бледно-голубым: стандартный режим «нейтральность». Мира коснулась сенсора — цвет сменился на тёплый жёлтый: «удовлетворение». Искусственная эмоция. Удобная ложь.

В Архиве пахло пылью и металлом. Ряды терминалов с текстовыми интерфейсами, безликие серые стены, люди с опущенными головами.

Мира скользнула к своему месту, опустила глаза, как все. Но сердце билось чаще обычного: под курткой, у самого тела, она прятала книгу. Старую, потрёпанную, без обложки. Страницы шершавые, чернила выцветшие. Мира нашла её вчера в секции «Утилизация» — среди папок с пометкой «не подлежит восстановлению». И что-то в ней... звало.

Она дождалась, пока коллега уйдёт на перерыв, и осторожно вытащила книгу. Открыла на середине. Буквы были незнакомые — не стандартный шрифт, а плавные завитки, будто нарисованные от руки. Мира провела пальцем по строке — и вдруг услышала.

Не звук. Не голос. Но что-то внутри неё отозвалось: тепло, щекочущее ощущение где-то за грудиной. Как будто кто-то шепнул: «Ты помнишь». Мира вздрогнула. Огляделась — никто не смотрел. Но в висках застучало: опасно, опасно, опасно.

Она перевернула страницу. Ещё одна строка. И снова — отклик. На этот раз яснее: образ сада, запах влажной земли после дождя, смех ребёнка. Эмоции, настоящие, не закодированные в ЭМ-1 или ЭМ-2.

Мира сжала книгу, чувствуя, как перехватывает дыхание.

— Лейн, — раздался голос. Мира вздрогнула, захлопнула книгу и поспешно прикрыла её папкой с документами.

В проходе стоял начальник отдела, господин Вейн. Его Эмоциональный дисплей (ЭД) светился стальным серым — «официальность».

— Да, господин Вейн? — Мира заставила себя говорить ровно. 3 РЕ. Экономно.

— Отчёт по каталогу 7-Б?

— Готов. Отправлю через терминал. 7 РЕ.

— Хорошо. — Он задержал на ней взгляд. Слишком долго. Мира почувствовала, как вспотели ладони. Заподозрил? — И, Лейн... — Вейн понизил голос. — Будь осторожна. В последнее время слишком много аномалий. «Лекс-Контроль» усиливает мониторинг.

Он развернулся и ушёл. Мира выдохнула. 10 РЕ потрачено на диалог. Осталось 420.

Но мысли крутились вокруг книги. Что это? Почему она отзывается? И что будет, если кто-то узнает, что она её взяла?

После смены Мира направилась к выходу, стараясь идти не слишком быстро. У самых дверей её окликнули:

— Мира!

Она обернулась. К ней спешил Кай, техник из сервисного блока. Его ЭД мерцал оранжевым — «дружеское расположение», но глаза выдавали тревогу.

— Ты видела? — он схватил её за локоть, понизив голос. — На главной площади установили новый анализатор речи. Теперь он считывает не только количество, но и интонацию.

Мира почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Откуда знаешь? 4 РЕ.

— Видел монтаж. — Кай огляделся. — Мира, это серьёзно. Если они научатся определять эмоции в словах...

Он не договорил. Оба поняли: тогда даже молчание станет опасным. Мира сжала книгу под курткой. Её страницы, казалось, слегка вибрировали — будто ждали.

— Кай, — она посмотрела ему в глаза. — Мне нужно с тобой поговорить. Не здесь.

— Где? 2 РЕ.

— Там, где нет камер. 5 РЕ. Кай кивнул. Его ЭД на мгновение вспыхнул изумрудным — «любопытство». Мира почти почувствовала его вопрос: Что ты скрываешь? Они двинулись к служебному тоннелю — тёмному и тихому.

Мира шла, сжимая книгу, и в голове у неё звучала та же фраза, что и на страницах: «Ты помнишь». И впервые за долгие годы она действительно что-то помнила. Не код. Не инструкцию. А ощущение — тёплое, живое, запретное. Что-то, что называлось словом.

Глава 2

Язык, который дышит

Тёмный тоннель пах ржавчиной и сыростью — запах старого мира, не учтённого в протоколах «Лекс-Контроля». Мира и Кай шли почти на ощупь, пока не добрались до тупика с ржавой дверью. Кай провёл ладонью по сенсору — дверь тихо отъехала в сторону.

— Сюда почти никто не заходит, — шепнул он. — Система считает это место аварийным отсеком. Идеальная слепая зона.

Мира вошла первой. В помещении было тесно: пара старых кресел, заваленный хламом стол и голопроектор с трещиной на экране. Но главное — ни одной камеры. Ни одного датчика. Она осторожно вытащила книгу из-под куртки. Кай замер, глядя на потрёпанную обложку.

— Где ты это взяла? — его ЭД на мгновение вспыхнул изумрудным, выдавая неподдельное любопытство.

— В Архиве. Секция утилизации, — Мира провела пальцем по шершавой странице. — Она... отзывается.

— Что значит «отзывается»?

Вместо ответа Мира открыла книгу на той самой странице. Буквы плавились, словно воск, складываясь в новые узоры. Она глубоко вдохнула и, почти не думая, произнесла вслух то, что вдруг всплыло в сознании:

«Ветер шепчет имя твоё,
Звезда хранит след твой во мгле,
Слово — не счётчик, оно — живое,
Помни, дыши, будь со мной на земле».

В тот же миг воздух вокруг дрогнул. Кай отшатнулся, схватившись за грудь. Его ЭД хаотично мигал всеми цветами — от алого до фиолетового.

— Мира... — голос дрожал. — Я почувствовал. Не код, не сигнал... Запах дождя. Как в детстве. Я забыл, что это такое.

Мира замерла. Она и сама ощутила то же самое: влажную траву под босыми ногами, тепло солнца на щеке, смех матери, зовущей её домой. Эмоции, настоящие, прорвались сквозь годы молчания.

— Это древний язык, — прошептала она. — Он не просто передаёт информацию. Он пробуждает.

— И если о нём узнают... — Кай сглотнул. — «Лекс-Контроль» сочтёт это аномалией. Нас сотрут из реестров.

— Уже сочтёт, — Мира коснулась страницы. — Книга выбрала меня. А значит, я должна научиться дружить. Пока не стало слишком поздно.

Тайная встреча

На следующий день Мира пришла в старый парк — запрещённую зону, где деревья росли так густо, что датчики «Лекс-Контроля» теряли сигнал. Лира уже ждала её, нервно сжимая руки. Её ЭД светился бледно-серым — «тревога».

— Ты правда нашла что-то... настоящее? — спросила она, едва Мира подошла.

— Да, — Мира открыла книгу. — Но сначала — отключи ЭД. Полностью.

Лира вздрогнула.

— Это нарушение третьего уровня. Меня могут...

— Знаю. Но иначе не получится. Доверься мне. Лира нажала кнопку на браслете. Сияние погасло. Мира закрыла глаза и медленно, чётко произнесла:

«Тишина — не пустота,
В ней живёт тысяча слов,

Слушай сердцем, дыши глубоко,
Мир — не инструкция, он — любовь».

Лира замерла. Её глаза расширились, по щекам покатались слёзы.

— Я вспомнила, — прошептала она. — Мамин голос. Она пела мне эту колыбельную...
Я забыла на годы. Забыла, как звучит её смех.

Мира обняла её. Кай, наблюдавший со стороны, тихо активировал записывающее устройство.

— Мы сделаем копии, — сказал он. — Разнесём по старым коммуникаторам. Пусть люди вспомнят.

Тревожный знак

Вечером Мира возвращалась домой, когда заметила странность: на перекрёстке, где раньше стоял обычный анализатор речи, теперь возвышалась новая конструкция — с дополнительными сенсорами и эмблемой «Лекс-Контроля» в виде стилизованного глаза.

Она замедлила шаг. ЭД на запястье вдруг завибрировал, выдавая ошибку. На дисплее мигало:

«Обнаружена аномалия. Ожидайте проверки».

Мира почувствовала, как по спине пробежал холодок. Они уже ищут. Она свернула в боковой проход, пряча книгу под курткой. В голове звучали слова, которые она прочла сегодня:

«Слово — не счётчик, оно — живое».

Теперь это была не просто строчка из книги. Это стало клятвой.

Где-то в глубине города Кай загружал аудиофайл в сеть старых коммуникаторов. На экране мерцала надпись:

«Передача: 1 из 7. Язык живых интонаций. Слушайте. Помните. Говорите».

Глава 3

Эхо запрещённых звуков Мира не спала всю ночь. Слова древнего языка крутились в голове, словно птицы, бьющиеся о стекло. Она повторяла их шёпотом, пробуя на вкус: «дыхание», «память», «свобода». Каждое звучало как заклинание — запретное, опасное, живое. Утром её ЭД показывал тревожный оранжевый — «повышенное эмоциональное возбуждение». Мира принудительно сменила режим на «нейтральность», но внутри всё дрожало. Вчерашняя передача аудиофайла через старые коммуникаторы могла стать началом чего-то большого — или её последним днём на свободе. Утро в Архиве В отделе каталогизации было тихо, только монотонное гудение терминалов нарушало тишину. Мира механически сортировала файлы, считая оставшиеся РЕ: 483 из 500. — Лейн, — голос начальника отдела, господин Вейна, прозвучал за спиной неожиданно. — Зайдите ко мне после смены. Его ЭД светился стальным серым — «официальность», но в глазах читалось что-то ещё. Подозрение? Или сочувствие? Мира кивнула: — Да, господин Вейн. ЗРЕ. Она заметила, как он задержал на ней взгляд чуть дольше обычного, и внутри всё сжалось. Он знает? Или только подозревает? Тайная встреча. После работы Мира направилась к старому парку — месту их условленной встречи. Лира уже ждала её, нервно перебирая пальцами. Её ЭД мерцал бледно-серым — «тревога». — Кай передал, что вчерашняя передача сработала, — зашептала Лира. — В семи районах города люди слышали голос. Некоторые отключили ЭД на несколько минут. Просто чтобы почувствовать.

— И что теперь? — Мира сжала книгу под курткой. Страницы слегка вибрировали, будто в такт её сердцебиению.

— Они усиливают мониторинг, — Лира оглянулась. — На улицах новые датчики. Говорят, они могут улавливать интонации. Мира почувствовала, как по спине пробежал холодок. Интонации. Не просто слова — их звучание, ритм, эмоции, вложенные в них. — Нам нужно действовать быстрее, — сказала она твёрдо. — Сегодня ночью Кай активирует ретрансляторы в старых туннелях. Мы расширим зону передачи.

— Но это же — Лира сглотнула. — Это прямое нарушение. Нас могут стереть из реестров.

— Или мы будем молчать, — Мира посмотрела ей в глаза, — или начнём говорить. По-настоящему. Ночь передачи. Тёмные туннели метро, давно выведенные из эксплуатации, пахли сыростью и забытыми мечтами. Кай возился с ретранслятором — старым устройством, которое он собрал из запчастей утилизированных коммуникаторов. — Готово, — прошептал он, проверяя соединения. — Зона покрытия — три района. Если сработает, люди услышат не просто слова. Они почувствуют их. Мира открыла книгу. Пальцы дрожали, но голос звучал уверенно:

«Слушайте, Не ушами — сердцем. Слово — не счётчик, оно — дыхание. Память — не код, она — ветер. Говорите. Помните. Будьте живыми». Кай нажал кнопку. Устройство загудело, и в воздухе зазвучали слова — не через коммуникаторы, не через ЭД, а будто прямо в сознании тех, кто был готов их услышать. Где-то далеко, в центре управления «ЛексКонтроля», тревожно запищали датчики. На экране монитора вспыхнула надпись:

«Обнаружена аномалия: эмоциональная речь. Источник неизвестен».

Оператор нервно нажал кнопку тревоги. Отголоски пробуждения. На следующее утро город изменился. Мира шла по улице и замечала непривычное:

женщина у киоска замерла, прислушиваясь к чему-то внутри себя;

двое подростков переглянулись и улыбнулись — по-настоящему, без сигнала ЭД;

старик на скамейке шептал что-то, касаясь пальцами губ, будто пробуя слова на вкус. У входа в Архив её снова остановил господин Вейн. Но на этот раз его ЭД светился не серым, а странным, мерцающим оттенком — будто пытался отобразить эмоцию, для которой не было

кода.— Лейн, — он понизил голос. — Вчера вечером я слышал. Что-то странное. Как будто кто-то звал меня по имени. Настоящему имени.

Мира замерла.

— Я не понимаю, о чём вы, господин Вейн, — 8PE.

— Понимаю, что не понимаете, — он посмотрел ей в глаза. — Но если если вы знаете что-то, что может вернуть людям голоса — действуйте. Тихо. Осторожно. Но действуйте. Он развернулся и ушёл, оставив Миру стоять с колотящимся сердцем. Он знал. И он был на их стороне. Где-то в городе Кай загружал следующий отрывок в сеть ретрансляторов. На экране мерцала надпись:

«Передача: 2 из 7. Язык живых интонаций. Слушайте. Помните. Говорите».

Глава 4

Тени в эфире Мира шла по улице, стараясь не привлекать внимания. Её ЭД показывал бледно-зелёный — «спокойствие», но внутри всё дрожало. Вчерашняя передача через ретрансляторы дала результат: люди начали слышать. Не просто звуки — а эхо настоящих эмоций. Но вместе с тем усилилась и слежка. На каждом перекрёстке теперь стояли новые датчики — с эмблемой «ЛексКонтроля» в виде глаза. Они сканировали интонации, анализировали паузы, искали аномалии.

Мира заметила, как один из прохожих запнулся на полуслове, испуганно зажал рот рукой — видимо, превысил лимит эмоциональности. Его тут же окружили агенты в серых униформах. Они становятся быстрее, — подумала Мира. — И безжалостнее. Тайное убежище Она свернула в боковой переулок, нырнула в арку и спустилась по старой лестнице в подвал заброшенного здания — их новое место встреч. Здесь, в тусклом свете аварийной лампы, уже ждали Кай и Лира. — Три района зафиксировали всплески аномальной речевой активности, — Кай хмуро постукивал пальцами по корпусу ретранслятора. — «ЛексКонтроль» теперь отслеживает не только слова, но и оттенки.

— Что это значит? — Лира нервно поправила рукав. Её ЭД мерцал жёлтым — «надежда», но слишком часто мигал красным — «тревога».

— Они научились распознавать интонации, — пояснил Кай. — Радость, грусть, гнев — любая эмоция теперь под запретом. Даже улыбка без сигнала ЭД — нарушение. Мира села на ящик, открыла книгу. Страницы чуть светились в полумраке.

— Значит, мы должны дать им что-то сильнее слов, — сказала она. — Не просто фразы, а истории. Настоящие. С воспоминаниями, с болью, с радостью. То, что нельзя закодировать. — Истории? — Лира подняла брови.

— Да. — Мира провела пальцем по строке. — Древний язык — это не просто слова. Это память. Каждая фраза — как ключ к чему-то забытому. Мы будем передавать не сообщения, а переживания. План Кай задумчиво покрутил в руках микросхему:

— Если мы запишем не просто текст, а целые фрагменты памяти — голоса, запахи, ощущения — и запустим их через ретрансляторы

— Это может сработать, — подхватила Мира. — Но нужно что-то мощное. Что-то, что затронет каждого.

— У меня есть идея, — Лира сглотнула. — Моя мама, она была поэтессой. До того, как её... — она замолчала, сжала кулаки. — У меня осталось одно её стихотворение. Оно не просто читается — оно чувствуется. Она закрыла глаза и начала тихо говорить:

«Помнишь, как ветер пах травами,

Как дождь стучал по крыше,

Как смех звенел, не боясь быть громким,

Как сердце знало — мир был живым?» В комнате повисла тишина. Кай замер, его ЭД на мгновение погас, потом вспыхнул всеми цветами радуги.

— Я я вспомнил, — прошептал он. — Свою бабушку. Она пела мне эту колыбельную. Я забыл её на годы. Забыл, как звучит её голос. Мира почувствовала, как к горлу подступают слёзы. Это то, что нам нужно. Ловушка Они уже готовились к записи, когда снаружи раздался гул.

— Дроны, — Кай бросился к экрану. — Целая стая. Идут прямо сюда.

— Как они нас нашли? — Лира побледнела.

— Не нас, — Мира сжала книгу. — Книгу. Она она излучает что-то. Как маяк. Кай выругался:

— Нужно уходить. Сейчас же. Но дверь уже распахнулась. В подвал вошли агенты «ЛексКонтроля». Впереди — высокий мужчина в чёрном костюме. Его ЭД светился мертвенно-белым — «абсолютная нейтральность».

— Мира Лейн, — произнёс он ровным голосом. — Вы обвиняетесь в распространении аномальной речевой активности. Сдайте артефакт и следуйте за нами. Мира отступила назад, прижимая книгу к груди.

— Кай, Лира — шепнула она. — Бегите. Я их задержу.

— Нет! — Лира схватила её за руку. — Мы не бросим тебя.

— Именно поэтому вы должны уйти, — Мира улыбнулась. — Передайте стихотворение. Пусть его услышат все. Она шагнула вперёд, глядя прямо в глаза агенту:

— Я готова следовать за вами. Но прежде позвольте мне сказать одно слово. Всего одно. Агент кивнул — видимо, посчитал это безопасным. Мира глубоко вдохнула и произнесла:

«Свобода». Слово повисло в воздухе, словно взрыв. Лампы мигнули, ретранслятор загудел, а в сознании каждого, кто был рядом, на мгновение вспыхнуло что-то яркое — забытый смех, запах цветов, голос матери. Агенты замерли, будто оглушённые. Кай и Лира бросились к запасному выходу. Мира последний раз оглянулась на них и пошла к двери, окружённая агентами. Где-то в городе ретранслятор, который они успели активировать, начал передачу. Из динамиков старых коммуникаторов полилось стихотворение Леры — не просто слова, а волна памяти, эмоций, жизни. «Помнишь?» — звучало в ушах людей.

«Помнишь?» — шептали стены.

«Помнишь?» — отзывалось в сердцах. И кто-то впервые за долгие годы ответил: «Да. Я помню».

Глава 5

Голос за стеной молчания

Мира сидела в камере — тесной, стерильно-белой, без окон. Стены поглощали звуки, а воздух был лишён запахов. Здесь не было даже ЭД — только холодный свет лампы над дверью и тишина, от которой закладывало уши.

Она прижала книгу к груди. Страницы больше не светились — видимо, в камере блокировали её энергию. Но Мира чувствовала: книга живёт. Она дышала едва уловимо, как спящее существо.

— Ты думала, что можешь изменить систему одним словом? — голос прозвучал из динамика в потолке.

Мира подняла голову:

— Я не думала. Я знала. 4РЕ.

Из тени выступил мужчина в чёрном костюме — тот самый агент, что арестовал её. Его ЭД попрежнему светился мертвенно-белым. — Ты нарушила три уровня протокола, — произнёс он без эмоций. — Распространение аномальной речевой активности, подстрекательство к нарушению лимитов, использование запрещённого артефакта.

— А ещё я напомнила людям, что они — люди, — Мира улыбнулась. — Разве это преступление?

Агент замер. На мгновение его лицо дрогнуло — будто маска треснула.

— Молчать, — приказал он, но голос прозвучал чуть тише. — Ты будешь стёрта из реестров. Книга уничтожена. Память о тебе — стёрта.

— Попробуйте, — Мира открыла книгу. — Но сначала послушайте.

Воспоминание

Она закрыла глаза и вспомнила:

Голос матери, читающей сказку перед сном — не через ЭД, а настоящий, с паузами, смехом, шёпотом на самых страшных моментах.

Дождь, стучащий по крыше старого дома.

Запах хлеба, который пекла бабушка.

Смех — свой собственный, громкий, неудержимый, без страха превысить лимит.

Эти воспоминания были ярче реальности камеры. Мира вдохнула глубже и начала говорить — не громко, но чётко:

«Помнишь, как ветер играл в волосах,

Как звёзды казались близкими, будто можно достать рукой?

Слово — не счётчик. Оно — дыхание.

Память — не код. Она — дом, где живёт сердце»..

Агент отшатнулся. Его ЭД замигал всеми цветами радуги, затем погас. На лице отразилось что-то незнакомое — то ли страх, то ли воспоминание.

— Что что это? — прошептал он.

— Это вы, — сказала Мира. — Вы сами. То, что прятали так долго.

Бунт тишины

Тем временем за стенами камеры город менялся.

Кай и Лира не остановились. Они активировали оставшиеся ретрансляторы, передавая не просто слова, а воспоминания:

Шёпот матери у детской кровати.

Песня, которую пели на праздниках до введения лимитов.

Разговор двух друзей — не формальный обмен кодами, а живой поток мыслей.

Люди начали останавливаться. Они слушали, закрывали глаза, прикасались к груди, будто пытаясь уловить что-то забытое.

На главной площади группа подростков отключила ЭД и запела — тихо, неуверенно, но по-настоящему. К ним присоединились взрослые. Кто-то достал старую книгу с потрёпанными страницами. Кто-то начал рассказывать историю — не по инструкции, а от души.

Датчики «ЛексКонтроля» зашкаливали. Анализаторы речи мигали красным, не успевая классифицировать эмоции: радость, грусть, надежду. Система захлёбывалась от живого языка.

Прорыв

В камере агент медленно поднял руку к лицу. Его губы дрогнули.

— Я я помню, — прошептал он. — У меня была сестра. Она учила меня плавать. Мы смеялись Я забыл. Забыл на годы.

Мира встала:

— Теперь вы понимаете? Мы не нарушаем порядок. Мы возвращаем жизнь.

Дверь камеры внезапно распахнулась. На пороге стоял господин Вейн. Его ЭД светился не серым, а тёплым золотистым — «пробуждение».

— Идёмте, — сказал он. — Город ждёт вас.

Агент в чёрном костюме сделал шаг назад, глядя на них. Его лицо больше не было маской. В глазах читалась борьба — между долгом и памятью, между системой и собой.

— Подождите, — он схватил Миру за руку. — Научите меня. Научите говорить по-настоящему.

Мира улыбнулась:

— Это просто. Закройте глаза. Вспомните что-то светлое. И скажите об этом вслух. Не считайте РЕ. Просто говорите.

Рассвет

Они вышли на улицу. Воздух пах дождём и чем-то ещё — надеждой.

На площади люди стояли кругами, передавая друг другу книгу (её копии уже размножили вручную), шептались, смеялись. Кто-то читал стихотворение, кто-то рассказывал историю своего детства. ЭД на запястьях многих были отключены или показывали хаотичные цвета — система больше не контролировала эмоции, она отражала их.

Кай подбежал к Мире, обнял её:

— Получилось! Они помнят!

Лира стояла рядом, её глаза блестели:

— Что теперь?

Мира посмотрела на восходящее солнце, на лица людей, на агента, который неуверенно пробовал произносить слова без подсчёта РЕ.

— Теперь, — сказала она, — мы учим говорить весь мир.

Где-то вдали, в самом сердце «ЛексКонтроля», главный сервер выдал ошибку:

«Система не распознаёт язык. Эмоциональная активность превышает лимит. Перезагрузка».

А над городом разносилось:

«Слово — не счётчик. Оно — свобода».

Глава 6

Эхо забытых голосов

Город гудел, как потревоженный улей. По улицам шли люди — не молча, не перебрасываясь кодами ЭМ1 и ЭМ2, а разговаривая. Тихо, осторожно, но по-настоящему. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то просто повторял вслух слова, будто пробуя их на вкус.

Мира шла по главной площади, и сердце её наполнялось теплом. Вчерашняя передача стихотворения Лиры дала неожиданный эффект: люди начали вспоминать. В парках собирались группы, передавали друг другу копии страниц из книги, читали вслух, слушали, закрывали глаза и улыбались — без сигнала ЭД, просто так.

Но в воздухе витало и напряжение. На каждом углу стояли агенты «ЛексКонтроля», их ЭД светились мертвенно-белым. Датчики сканировали интонации, дроны кружили над головами. Система не сдавалась.

Совет пробудившихся

В старом парке, где деревья заслоняли датчики, собрались те, кто решился говорить вслух. Кай, Лира, господин Вейн и ещё десяток человек — художники, техники, бывшие архивариусы.

— Они усилили мониторинг, — Кай показал схему города на экране планшета. — Новые узлы связи, дополнительные дроны. Через неделю система научится распознавать ритм речи. Тогда даже шёпот станет опасным.

— Значит, нужно действовать быстрее, — Мира открыла книгу. Страницы снова слегка светились. — Мы должны дать людям не просто слова — а язык чувств.

— Как? — Лира сжала руки. Её ЭД показывал оранжевый — «тревога», но она не пыталась его сменить.

— Через музыку, — неожиданно сказал господин Вейн. — До введения лимитов люди пели. Песни — это слова, которые дышат.

Кай хлопнул себя по лбу:

— У меня есть старый синтезатор! Он не подключён к сети — его не отследить. Мы можем записать голоса, а не просто текст. Воспоминания, смех, колыбельные...

— И распространять через ретрансляторы, — подхватила Мира. — Пусть люди слышат настоящие эмоции.

Первая песня

Вечером они собрались в подвале старого театра — места, которое не значилось на официальных картах города. Кай подключил синтезатор к ретранслятору, Лира достала старую аудиозапись — голос её матери, поющий колыбельную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.